

Серия
«Антология мысли»

М. В. Шахматов

Исполнительная
власть
в Московской Руси

Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 93/94:342.6

ББК 66.1

ШЗ1

Автор:

Шахматов Мстислав Вячеславович (1888—1943) — юрист и историк, участник Белого движения.

Шахматов, М. В.

ШЗ1 Исполнительная власть в Московской Руси / М. В. Шахматов. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 272 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-09201-1

В издание представлена работа русского историка М. В. Шахматова, который окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и был учеником профессора М. Дьяконова. Был участником Белого движения. В эмиграции он создает капитальное исследование «Исполнительная власть в Московской Руси», посвященное истории русской государственности и затрагивающее разные исторические периоды власти.

Для всех интересующихся историей.

УДК 93/94:342.6

ББК 66.1

Оглавление

Исполнительная власть в Московской Руси	8
Вступление	8
1. Правительственная и исполнительная власти.....	8
2. Значение и определение темы исследования.....	8
3. Названия и виды исполнительных органов.....	9
Глава I. Дружинно-вечевой период (IX — сер. XIII в.).....	11
1. Княжеско-дружинные пристава	11
2. Вечевые пристава	17
Глава II. Удельно-феодальный период (1/2 XIII—XIV — сер. XV в.).....	19
Глава III. Период сословной монархии (Самодержавно-вотчинный или самодержавно-феодальный) (XV—XVI в.).....	22
§ 1. Наместничьи и волостелины праветчики и доводчики.....	22
§ 2. Недельщики дворцовые и площадные	24
§ 3. Посольские пристава XV—XVII вв.	33
Глава IV. Земские реформы в сословной монархии (начало XVI — начало XVII в.).....	36
§ 1. Губные органы.....	36
§ 2. Земские органы.....	37
Глава V. XVII век: время перехода от сословной монархии к самодержавно-бюрократическому периоду Приказная система органов исполнительной власти (конец XVI—XVII в.)	38
§ 1. Центральные пристава.....	38
§ 2. Местные приставы	41
§ 3. Виды специальных приставов	44
Глава VI. Продолжение переходного времени.....	46
§ 1. Военнодержавие вообще: укрепление исполнительной власти воинской силой (середина и конец XVII в.)	46
§ 2. Стрельцы	47
§ 3. Пушкари и затинщики	49
§ 4. Овоение приказных приставов и рассыльщиков	50
Глава VII. Церковные приставы	51
Глава VIII. Юридическая природа приставства в ее исторических изменениях	54
Заключение	58
Приложение	62
Источники и литература.....	67

Компетенция исполнительной власти в Московской Руси	95
Часть I. Внутренняя охрана государства	95
Вступление	95
Глава I. Охрана и устройство государственного строя	98
§ 1. Охрана государя	98
§ 2. Охрана целого государства	108
§ 3. Привлечение приставов к борьбе за власть и охране политического строя	113
Глава II. Охрана и обслуживание прав и интересов государства	115
§ 1. Обслуживание приставами законодательной и указной власти ..	115
§ 2. Приставы для иностранцев	121
§ 3. Принуждение ослушников к службе в Киевской и Владимиро-Суздальской Руси	125
§ 4. Принуждение ослушников к военной и гражданской службе в XVI—XVII веках	128
§ 5. Привод ослушников на государеву службу и принуждение их к службе	132
§ 6. Обслуживание армии и власти тяглыми людьми	139
§ 7. Принуждение ослушников к холопству и к тяглу посадскому и крестьянскому	140
§ 8. Взыскание налогов и пошлин	146
Заключение	149
Приложение	149
Примечания	152
Источники и литература	152
Часть II. Охрана личности	168
Вступление	168
Глава вступительная. Обеспечение служебной деятельности пристава	169
Глава I. Охрана безопасности населения	171
Глава II. Вызов, привод и ставка к суду	175
Глава III. Следствие и доказательства	187
Глава IV. Исполнение судебных решений по уголовным делам	193
Глава V. Охрана имущества	193
Глава VI. Гарантии личности против злоупотреблений судебно-правительственной власти	202
Глава VII. Охрана сословных прав	209
Вступление	209
Глава VII. Раздел I. Охрана духовенства и церковных людей	210
Глава VII. Раздел II. Охрана прав бояр, служилых и приказных людей	215
Глава VII. Раздел III. Охрана прав торговых и посадских людей	221
Глава VII. Раздел IV. Охрана прав крестьян	224
Глава VII. Раздел V. Охрана прав холопов и оборона от порабощения в холопство	229
Глава VIII. Гарантии личности против исполнительной власти	230

Заключение	241
Примечания	242
Новые издания по дисциплине «Отечественная история» и смежным дисциплинам	270

Исполнительная власть в Московской Руси

Вступление

1. Правительственная и исполнительная власти

В этом исследовании я не буду говорить специально о **высшей исполнительной власти**, которую правильнее было бы называть **правительственной**. Я не буду говорить подробно о стоявших на высших ступенях местнической лестницы общественно могучих боярах и окольных, ведавших «пути», «дворцы» и Приказы; ни о, порою равных им, знатных наместниках, волостелях и воеводах, управлявших уездами и волостями; ни даже о сравнительно скромных, безродных дьяках и подьячих, подготовлявших решения и писавших на длинных свитках грамоты, отписки, выписи, росписи и т. п. бумаги. Они касаются моей темы лишь частично, постольку, поскольку они были высоким начальством более скромных органов.

Предметом моего сочинения являются органы исполнительной власти в узком смысле слова, органы **подчиненной исполнительной власти**, те, которые сравнительно редко что-либо предписывали или приказывали другим органам, а, действительно, **преимущественно исполняли**. Их повеления и требования большею частью обращены были лишь непосредственно к населению. Это те органы, которые стояли почти на самой низкой ступени правительственной лестницы. Изредка они принадлежали к младшим представителям высших слоев населения, чаще — к средним, а больше всего к очень низким слоям населения. Они были или в начале своей служебной карьеры или, в главной своей массе, занимали самые маленькие должности без надежды на повышение.

В редких случаях исполняли они подчиненные роли в дворцах и палатах, большею же частью смиренно пребывали, ожидая зова и приказаний, в сенях, караульнях и задних помещениях разных приказов, съезжих, приказных, губных, таможенных, земских и всяких иных «изб».

2. Значение и определение темы исследования

Благодаря низкому положению этих органов, их история вызывала мало интереса со стороны русских историков и историков русского права и потому мало исследована. Однако было бы совершенно непра-

вильно думать, что эта история имела мало значения для определения существа древнемосковского государственного строя и основ его развития. Как раз наоборот.

Важность истории низших органов исполнительной власти, с этой точки зрения, определяется прежде всего тем, что основой их компетенции была **функция принуждения**: они были теми органами, при помощи которых правительство заставляло население покоряться и исполнять его веления.

Это были те страшные для непокорных **органы принуждения**, которые вызывали и приводили к суду, задерживали и заковывали в «железа», принудительными средствами вынимали «поличное» и собирали другие судебные доказательства, с проигравших гражданский процесс производили взыскания, отнимали у них имущество, а обвиненных преступников передавали тюремщикам и палачам; они же понуждали «нетей», беглецов, «ослушников» и нерадивцев к исправному исполнению военной, гражданской и господской службы, смиренному несению трудного тягла и уплате тяжких податей и недоимок; равным образом, они охраняли общественный порядок, государственные учреждения и определенных людей.

Благодаря такой своей компетенции, подчиненная исполнительная власть была **главной реальной опорой** всякого рода правительств в течение русской истории и играла огромную роль в постепенном **созидании сильной верховной и центральной власти** и вообще **внутренней мощи** российского **государства**. Как бы ни был мал и низок по своему служебному и общественному положению каждый такой исполнитель в отдельности, но без сети подобных органов никакое правительство не могло бы властвовать, ибо лишено было бы возможности принуждать. В дополнение к уже исследованным **причинам** возвышения московских государей и образования российского великодержавия (идейным, общественным, экономическим и другим) следует еще добавить мало замеченную раньше причину: удачную, с точки зрения поставленной себе властителями цели, вековую работу над рациональным устройством сети органов принуждения. Преданные и покорные убеждались идеями и иными мирными способами воздействия, для «ослушников» же и колеблющихся необходимо было применение силы исполнительной власти.

3. Названия и виды исполнительных органов

Органы ее, будучи весьма многочисленными, носили в разные эпохи самые разнообразные **названия** (например: детский, дворянин, доводчик, недельщик и др.) и имели различные обязанности из числа вышеуказанных. В Московской Руси (сохранившей тоже разнообразие терминов) в дополнение к частным названиям обобщающим для них наименованием стало слово **пристав**, имевшее тогда гораздо более широкое значение, чем теперь, объединяя в себе почти **все низшие органы администрации и суда**. Пристав или «ходящий во приставах»,

«ходящий приставством» — это тот, кто к кому-либо приставлен для охраны его или от него, принуждения его или для него или совершения принудительных действий всякого рода.

Различные виды и разновидности приставов изменялись в разные эпохи русской истории, преимущественно в зависимости от изменений государственного строя и связанных с ними этапов усиления верховной и всякой вообще власти. Другие влияния находились в тесной взаимозависимости с первым. Если на изменения видов приставов влияли изменения классового и сословного строения общества, то при этом не надо забывать, что верховная власть всегда брала приставов из тех общественных слоев, на которые она в данное время опиралась. Если указанные изменения стояли в связи с изменениями военного устройства, то ведь и эти последние зависели от организационной работы различных правительств над усилением русской внутренней и внешней мощи. Если на развитие приставской компетенции влияли изменения судебного, уголовного и гражданского права, то это опять-таки приводило к постепенному огосударствлению и укреплению ее.

Поэтому за основу периодизации, развития и классификации видов приставов в дальнейшем изложении я беру первое и главное из этих явлений. О значении других я говорю попутно внутри каждой главы настоящего исследования.

В связи с изменением строения государства и власти изменяются следующие **признаки и основания, по которым можно классифицировать виды приставов:**

1) Для древнейшего домонгольского периода всерусской истории главным основанием разделения приставов по видам служит различие их **в зависимости от различия власти**, при которой они состояли: **княжеско-дружинной, вечаевой и церковной** (IX — сер. XIII в.).

2) В следующем удельно-вотчинном периоде нашей истории пристава различаются лучше всего **по признаку феодального дробления** России: великокняжеские (памятуя, что было несколько великих княжений), удельно-княжеские, кормленческие, вотчинные, церковные... (сер. XIII—XV в.).

3) В период сословной монархии, когда создается единая верховная власть, но остается **несколько подчиненных властей**, не вполне потерявших долю независимости, пристава различаются лучше всего по видам этих последних: центральные, наместничьи и волостелины, земские и губные, церковные (XV—XVI в.).

4) В переходное время от периода сословной монархии к периоду полного торжества военнобюрократического единодержавия, в связи со специализацией управления, создается крайняя **специализация приставов** по различию учреждений и дел: центральных и местных (к. XVI—XVII в.).

Глава I. Дружинно-вечевой период (IX — сер. XIII в.)

1. Княжеско-дружинные приставы

А. Общественное их происхождение. В эпоху Русской Правды в Южной, Северо-Западной и Северо-Восточной Руси приставская или исполнительная (в узком смысле слова) власть выходит преимущественно из среды **младших дружинников**, княжеских и боярских, с ног до головы покрытых железными доспехами и бронями, чешуйчатыми кольчугами и остроконечными шеломами, «ущитенных червленными щитами», вооруженных сулицами длинными, «мечами харалужными», «саблями калеными», секирами тяжелыми, тугими луками да «стрелами острыми».

Это исхождение приставства из дружинной ратной среды имеет определяющее значение для всей его истории, ибо **связь развития войска и приставов** не прекращается в России в течение всех допетровских веков.

Дружины были почти что **первой организацией силы** на Руси, необходимой как основа для появления государственности; или, употребляя образное сравнение, они были первым железным остовом, скрепившим твердой властью все девственные и неустроенные земли Восточной Европы. Недаром в отношении к дружинам употреблялся иногда эпитет «железные полки» («Слово о полку Игореве»).

Эта организация постоянно укреплялась в прекращающейся борьбе, «в сечах злых» с хазарами, печенегами, половцами, волжскими болгарями, мордвою, «чудью белоглазой» и другими неприятелями. Дружинники всецело проникнуты были ратным духом; они, по выражениям источников, от рождения «под трубами повиты, под шеломами взлеяны, концом копья вскормлены»; «их луки напряжены, сабли изострены»; «сами скачут в поле, ищучи себе чести, а князю славы»; идя в поход за белой хоруговью с червленным стягом, они мечтают «копье свое преломить» в битве с неприятелем, постоять за землю Русскую и после победы «испытать золотым шеломом Дону». Дух их закалялся не только в боях, но и в полной лишений походной жизни среди степей и лесов, на военных ладьях и насадах, на «борзых комонях», под раскинутыми шатрами и прямо под открытым небом, на подкладах и потниках.

Естественно, что из этой готовой, закаленной организации силы брались и **первые органы принуждения**, необходимые во внутреннем управлении государством. Возвращаясь домой из походов, они попадали в княжеские и боярские гридницы, средоточия правления и суда Древней Руси. Как имеющееся здесь всегда под руками вооруженные люди младшие дружинники прежде всего должны были быть привлеченными к выполнению функции принуждения.

Здесь младшие дружинники встречаются с другими, дополнительными исполнителями приставских поручений — **слугами и рабами** князя и старших дружинников, входившими в состав «дома» каждого из них. Но как подчиненный элемент эти мирные слуги и рабы не меняли общего духа среды. Их существование стоит в связи с возникшим тогда вообще обычаем поручать более или менее ответственные части государственного и хозяйственного управления рабам: тиунам огнищным, конюшим, судным, сельским, боярским и иным.

Б. Место их пребывания. Местами должностного пребывания исполнителей приставских поручений были: «княжь двор», дворы посадников, тиунов и иных должностных лиц и места временных остановок проезжих судей.

1) «**Княжь двор**» упоминается в Русской Правде неоднократно (Кар. 24, 37, 70) как установление, куда надо обращаться за правосудием и где, следовательно, происходили приставские действия. Конкретная бытовая обстановка служебной деятельности приставов воскреснет перед нами в ярких жизненных образах, если мы обратим внимание на внешнее описание княжеских дворов. Вот **Ярослав двор в Великом Новгороде**, изображенный на старинных его планах (на иконе Знамения Пресвятой Богородицы). Он был окружен высокой каменной стеною, в нем были, кроме нескольких церквей, дворец княжой, отличавшийся новгородской простотой архитектуры, и в его составе «гридница каменная» и проч., а посредине — большое место для собраний вечевых и иных¹. **Княжий двор в городе Боголюбовой** находился у церкви Рождества Пресвятой Богородицы, столь прославленной летописями за необычайное благолепие и роскошь убранства, и у знаменитых «полат» князя Андрея Боголюбского, сохранившихся и донныне и поражающих своей массивностью и красотой многих арочных украшений с барельефными подвесками и полуколоннами. В житии Андрея Боголюбского записано: «Потом же ту град построив и **двор свой княжий** близ новозданные Рождества Пресвятыя Богородицы церкви постави и вельми место оно любяще и живяше ту...»². О пребывании здесь «дворян» (исполнявших тогда приставские обязанности) определенно говорится в летописи под 1175 годом, **Княжий двор Всеволода Большое Гнездо** находился во Владимире на Клязьме у собора святого Димитрия Селунского: «Многи бо церкви созда: церковь прекрасну на дворе своем святого мученика Дмитрия», — говорится в летописи³. Сколько можно судить по этой церкви, одной из красивейших в России, Владимирский двор княжой отличался необычайной, исключительной красотой. Дмитриевский собор весь изукрашен множеством тонкой работы барельефных изображений святых, князей, стилизованных зверей и растений, славно белым каменным кружевом покрывающих все здание. Киевский княжой двор близ Десятиной церкви, вероятно, отличался особенной близостью к византийским образцам⁴. И во всех этих дворах, несомненно, действовали при суде и управлении детские, отроки и иные пристава.

2) **Посадничий двор** косвенно также упоминается в Русской Правде (Кар. 125, 134) как место, где можно было получить отрока. В Великом Новгороде двор посадника находился между Вощниками и Великим рядом (Кар. 134).

3) **Двор городского или сельского тиуна** был равным образом местом пребывания приставов, как об этом можно судить по многочисленным свидетельствам летописей и иных памятников о судебных функциях тиунов. Например, у тиуна Ратьши был свой двор в Киеве, в котором он, по всем признакам, и судил и давал отроков (Ипат. лет. 1146).

4) Имеют значение для нас и **места остановок князей** (во время «полюдья») или иных «**проезжих судов**»; для этого могли служить погосты и даже берега рек или дремучие леса. Например, на таком вольном месте остановки произошел суд княжого воеводы Яна, имевшего с собой отроков (Пов. врем. лет, 1070 г.).

В. Термины. По названиям, исполнителей **приставских поручений** можно разделить на две категории:

а) Приставы по общественному (сословному или классовому) положению.

Большая часть дружинников и слуг, исполнявших в древней домонгольской Руси приставские (в широком смысле) функции **не приобретала**, в большинстве случаев, судя по памятникам, какого-либо **специального должностного звания**, так как обязанности их исполнительной власти еще не отделились от их прочих обязанности. Здесь еще **не создано было особых должностей, а существовали только временные поручения**. От меча к братине, а от нее к трудам расправы — такова судьба младших дружинников.

Они — военно-гражданские органы бродячей, непостоянной, еще не сросшейся с землей княжеской власти, стоящей в ней с дружиной скорее временным станом, чем как постоянное учреждение, власти более «тоснящейся» на великие дела, рыцарские подвиги, чем заботящейся о прочном земском устроении. Таковы же, как князь, и его младшие помощники, с ним скитающиеся по земле в походы и на полюдья.

Источники именуют древнейших приставов преимущественно не по должности, а по их положению в дружине и в обществе вообще: детскими, отроками, мечниками, подвойскими и гридями.

Детские. «Детские», несмотря на происхождение своего названия от «детства» их социального положения, были старшими из младших дружинников, исполнявших порою, в числе своих разнообразных обязанностей, также и приставские. Их можно было в особых случаях пожаловать и в бояре (Ипат. лет. 1169 г.) или раздать им посадничества (Ипат. лет. 1175 г.). Они составляли ближайшую к князю часть войска, его личную охрану, гвардию, благодаря чему самое внутреннее укрепление города или острога, в котором помещался княжеский дворец и двор, называлось «**детинцем**»⁵. Из них приставские обязанности исполняли, конечно, только «**меньшие детские**»⁶, которых случай

минутной политки не вознес еще ни на какую высоту. Если они состояли при княжеском суде и управлении, их именовали «**князь децкой**» (1 Новг. лет. 1234 г.). Но бывали детские также и при иных подчиненных государственных органах: судье⁷, тиуне⁸, старосте и др. В Великом Новгороде, насколько можно судить по более поздним источникам, существовали детские «посадники»⁹. Может быть, посадники имели детских и в других городах.

Отроки. Отроки были еще более младшими дружинниками, чем детские. Есть много данных за то, что они были несвободными или полусвободными. По крайней мере, в древней Сербии отроки вообще, в том числе и те, которые исполняли приставские функции, были определено рабами¹⁰. Есть и в русских источниках сведения, что существовали на Руси отроки-рабы. Например, в житии Бориса и Глеба Иакова Мниха говорится об отроке-рабе Миронеге (120); о другом отроке рабского состояния записано во вкладной грамоте преп. Варлаама Хутынскому монастырю близ Великого Новгорода, составленной после 1192 г.¹¹ Как и детские, отроки исполняли разные обязанности **при князе**¹² на войне, на ловах и дома; они бывали «**оружные**» и служебные (Ипат. лет. 1256 г.). Они состояли членами не только княжеских дружин, но и боярских¹³, как «**отроки боярские**». Из судебных и административных органов, при которых полагались отроки, в памятниках упоминаются следующие: князь¹⁴, посадник¹⁵, вирник (Кар. 7), мостник (Кар. 109), мечник (Кар. 85)¹⁶.

Мечники. Мечник или меченоша, то есть оруженосец княжеский или других лиц (в иностранном переводе тех же текстов: *carnifex*, *speculator*, *spatharios*, — см. у Срезневского) был также младшим дружинником или воином. В одном памятнике говорится о «воине, рекше мечнике» (Паис. сб. 46, Апл. зап.). Общественное положение среди младших дружинников он занимал иногда сравнительно высокое: его могли послать в поход во главе полка (Лавр. лет. 6718 1210 г.) или с ответственным посольским поручением (Ипат. лет. 6682/1174 г.) Случалось, что его звали на «ичь», например, «Кузма Ратьшичь» (Лавр. лет. 6718/1210 г.). За муку мечника полагалось, по Русской Правде, столько же гривен, сколько за муку огнищанина и тивуна (Ак. 32). Но, наряду с этим, мечники часто исполняли гораздо менее почетные приставские обязанности (напр.: Русск. Пр., ак. 41, Тр. Кар. 100) и даже палаческие¹⁷. Они существовали при князьях¹⁸, при посадниках¹⁹ и тиунах.

Подвойские. Подвойские или подвоинские уже по самому своему названию являются людьми, принадлежащими к войску. Частица же «под» говорит об их подчиненном, низком положении. В древнейшее время в источниках сообщается только об исполнении ими наименее ответственных приставских обязанностей (Ипат. лет. 6656/1148 г.). Упоминание о них тогда встречалось редко²⁰.

Гридь. Все дружинники вместе называются в памятниках гридью, гридьбою. Об исполнении всеми ими или многими из них пристав-

ских действий свидетельствует то обстоятельство, что постоянное место их пребывания — «гридница» — служит иногда местом предварительного заключения. Ярослав, вбежав в Переяславль, повелел вметать одних Новгородцев «в погреб», а иных «в гридницу» (Новг. 1. лет. 6724/1216 г.). Другой раз, задержанные Псковичи были посажены на Городище в гриднице (Новг. 1 лет. 6740/1232 г.). Вероятно, местом заключения было особое помещение при ней.

Б) Приставы по названию должности или поручения. Но все же, уже с давних времен существовали назначенные для исполнения приставских обязанностей дружинники и слуги, получавшие специальное звание по должности или, вернее, по названию сравнительно длительного поручения. Хотя наименование его определяло лишь часть действительных их обязанностей, например, по собиранию даней, налогов, пошлин и денежных взысканий.

Это были: вирники и биричи.

Вирники. Название вирников происходило от того, что они собирали виры, очевидно, по судебному решению. Это единственная их обязанность, известная нам по источникам. Совершали ли они еще какие-либо приставские и иные действия, мы не знаем²¹. Служебное их положение было довольно высоким: они ездили с провожатыми на четырех конях (Ак. 42, Кар. 7), в то время как местники только на двух (Кар. 109); при вирниках состояли отрок (Кар. 7) и металник (то есть устный секретарь, «мечущий» знаки на дереве для памяти)²²; также изрядно высок был корм вирников и пошлины в их пользу (Ак. 42; Кар. 7, 8). Действия свои в одной местности вирники должны были закончить в течение **недели**: «До недели же виро зберуть вирници» (Ак. 42). Это делает их в некотором отношении предшественниками более поздних московских недельщиков²³.

Биричи. Биричь, бириць, биришь, бирьчий первоначально был, вероятно, сборщиком подати, именовавшейся «бир»²⁴. Но потом к этому присоединились и другие приставские обязанности: глашатай²⁵, судебного пристава²⁶, стража («custos qui dicitur biriz»; Проект договора с Немцами 1269 года) и т. д. Таким образом, путем нарастания образовалась сложная должность, выросшая из более простой. Общественное положение биричей было очень скромным, судя по характеру поручений, которые им давались. Состояли они при князьях²⁷, посадниках²⁸ и др. По всей вероятности, биричи были очень древним общеславянским учреждением, ибо о них говорится в памятниках почти всех славянских и полу-славянских народов: чехов (biric, biruc), югославян (biric, biric, биров), валахо-румын (бирьчий), угров (biro); а от них каким-то образом оно перешло и к итальянцам (birro)²⁹.

Г. Приставы. О термине «пристав» нельзя еще говорить тогда с уверенностью — он находился еще в зародыше. Кое-где встречаются только намеки на его зарождение: например, в заявлении великого князя Ростислава Мстиславича игумену Печерскому Поликарпу, что, если бы он знал наверное о восхождении честного лика чернецкого

вместе с ангелами к Престолу Господню, тогда бы он «без пристава снял бы венец и багряницу»³⁰.

Другой похожий термин «**приставник**» часто встречается в смысле исполнительной власти в памятниках русской самобытной и переводной литературы X—XII вв.: Ефремовской Кормчей Книге, Остромировом и иных евангелиях, Словах Григория Назианзина (сп. XI в.), Пандентах Антиоха (сп. XI в.), Минеях 1097 г., Стихирах Новг. дома 1163 г., Несторовом житии Феодосия, летописях и др.³¹ Там о них говорится в смысле надсмотрщика, должностного служителя, управителя-приказчика, мелкого начальника, а также судебного исполнителя (экзекутора) и охранителя.

Ретроспективно можно думать о распространенности на Руси слова «пристав» с древнейших времен, если принять во внимание терминологию древнейших договоров Новгородских, Тверских и старомосковских XIII и начала XIV вв.³², судных грамот Новгородской (ст. 16, 25, 26, 29, 34) и Псковской (ст. 57), а также Литовского статута 1529 г. (XI, 3).

Особенно же важно то обстоятельство, что слово «пристав» издревле известно не только на Руси, но также южным славянам, а отчасти и западным. При этом у Югославии (сербов и хорватов) не только название установления, но даже и компетенция совпадает почти с компетенцией русского пристава более позднего времени почти во всех подробностях³³.

У Болгар в древние времена пристав, вероятно, судя по сходству вообще древнеболгарских грамот с югославянскими, имел такое же значение, как у сербов и хорватов. Слово же приставник определенно встречается в памятниках болгарского происхождения (Иоан, екзарх Болгарок., 117; и др. памятники, общие древней Руси и Болгарии). Лишь в более позднее время слово пристав изменило в Болгарии значение и стало обозначать просто слугу³⁴.

У Поляков слово *przystaw* существовало с давних времен и в том же значении исполнительного органа, хотя и не было столь господствующим термином для обозначения приставской власти, как на Руси и у южных славян (в Польше преобладало название «*wozny*»)³⁵.

У чехов нет сведений о существовании в древнее время государственных служителей-приставов, но все же во многих источниках встречается слово «*pristavní*», означающее наемного слугу, челядина³⁶.

Даже у народов, лишь частично смешанных со славянами, существовали приставы. В угорских источниках они часто встречаются под латинизованными названиями: *pristaldus*, *pristandus*, *pristavus*, *priztawus* (Bartal; Костренчъ, стр. 7—13). У румын существовали посольские приставы³⁷.

Так как нет никаких данных для установления факта заимствования одних славянских народов у других, то остается только предположение об очень давнем существовании института приставов у всех или многих славянских и полуславянских племен.

Поэтому вероятно, что на Руси младшие дружинники, которым временно вверялись обязанности исполнительной власти, в течение совершения поручения назывались иногда «приставами» или «приставниками».

Но постоянного названия не только для должности пристава, но даже и для функции «приставства», «хождения во приставах» еще не выработалось.

2. Вечевые пристава

Сравнительно с более поздними вечевыми приставами Великого Новгорода и Пскова

А. Общественное их происхождение. Наряду с княжеско-дружинной средой в ту эпоху существовала и другая — буйных вечевых сходок шумных торговых городов, окруженных высокими стенами, где неустроенный еще и мятущийся народ, собираясь под звуки колокола, проявлял свою девственную властную волю.

Это среда «градских людей», с одной стороны, городских старейшин, гостей, купцов (вячших, пошлых, старейших, добрых), и с другой стороны, черных, молодших, худших людей. Из среднего или ниже среднего их слоя, видимо, выделялись исполнители воли веча и его органов.

Но как сами веча не были во всех городах домонгольской Руси особенно правильным и вполне постоянным учреждением, то, вероятно, и приставская власть, исполнявшая их решения, не могла быть везде особенно стройно устроена. По крайней мере, в памятниках древнейшего периода о вечевых приставах упоминается чрезвычайно редко³⁸.

Лишь в Великом Новгороде и Пскове немного более позднего времени при вече (Новг. Суд. Грамота, ст. 34) и при посадниках (Пск. Суд. Гр. ст. 57, 76) образуется постоянная определенная приставская власть со строго определенным кругом и образом действий. Она нашла свое законодательное оформление в Новгородской и Псковской судных грамотах и договорах князей с Новгородом.

Так как в них записаны не только новые постановления, но и древние обычаи, то они могут отчасти проливать свет и на более старые годы.

Б. Термины. Вечевые пристава носят различные названия (иногда несовпадающие с названиями княжеских приставов), в зависимости от того основного положения, из которого они вышли.

1) Очень важным и распространенным видом вечевых приставов были «**подвойские**» или «**подвоские**». Это, очевидно, военные люди, взятые из вечаевого войска или городского полка (которыми командовали посадники и тысяцкие) для исполнения служебных обязанностей при суде и управления. Так как это название народоправческих приставов было преобладающим, то, следовательно, и историческое развитие последних (так же как и княжеских) стояло в зависимости от измене-

ний военного строя в данную эпоху и в данной местности. О Новгородских и Псковских подвойских говорится от начала XIII века до конца их независимости³⁹. По Псковской Судной Грамоте, Псковские подвойские противопоставляются «княжим людям» (ст. 49 и 81); по Новгородским договорам, Новгородские подвойские противопоставляются великокняжеским⁴⁰. По этим договорам, была сделана попытка сузить их компетенцию обязанностью позывать только в городе, но по судным грамотам, а, следовательно, и по древним обычаям этого ограничения не было и вряд ли оно в жизни существовало⁴¹.

2) Целый ряд вечевых приставов именовался по какой-нибудь части приставской компетенции:

а) «**Позовники**», то есть вызывающие в суд. Они были, видимо, остатком очень древнего периода в истории судопроизводства, когда была широко развита самодеятельность сторон. Это видно из того, что «позовником» именуется в народоправческих судных грамотах то истец, то пристав⁴². Но по поздним договорам, Новгородские «позовники» были определенно приставами и противопоставлялись великокняжеским; и те, и другие должны были позывать «по волостям Новгородским»⁴³.

б) «**Подверники**» — судебные служители, сторожа, стоявшие у дверей «судебни», или «судебницы». По общему смыслу статей 58 и 59 Псковской Судной Грамоты, им поручались также и другие приставские обязанности. Подверник от Пскова в них противопоставляется подвернику от князя⁴⁴.

в) «**Известники**», может быть, первоначально помощники истцов, помогавшие им в подаче исковых жалоб и в приискании доказательств иска, «изветов», а потом начавшие исполнять и другие приставские обязанности⁴⁵.

г) Известные уже нам **биричи**. Хотя относительно них, как и относительно изветников, нет прямых указаний в источниках, что они были вечевыми органами, а встречаются только намеки⁴⁶.

Но чаще всего в Новг. и Пск. Судн. грамотах исполнительные агенты именуются прямо «приставами». Они выходят из широких слоев городского населения, но все же, до известной степени, достаточного, ибо они должны быть «люди добрые»⁴⁷, а также исполнять очень ответственную иногда роль в суде⁴⁸. В Новг. Судн. Грамоте говорится о приставах Новгородских, или Вел. Новгорода, или о «приставах с веча» (ст. 16, 29, 34), в Пск. Судн. Грамоте — о приставах, взятых у посадника (ст. 57, 76)⁴⁹.

Тут вечевой «**пристав**» является уже в значительной степени организованным и определенным учреждением. Вечевые пристава Новгорода и Пскова в таком виде, как их определили судные грамоты, просуществовали до конца независимости этих городов. Хотя, нужно сказать, что компетенция их иногда шире и не вполне совпадает с компетенцией московских приставов, однако, можно полагать с уверенностью, что законодательство о первых повлияло на законодательство о вторых.

Во всяком случае, является общеизвестным влияние Псковской Судной Грамоты на Московские Судебники.

Глава II. Удельно-феодальный период (1/2 XIII—XIV — сер. XV в.)

В удельно-вотчинный или удельно-феодальный период князья со своими дружинами и бояре со своими же дружинами начинают оседать в городах и селах, в своих уделах и вотчинах. Русь покрывается множеством оседлых деревянных дворов, окруженных бревенчатыми острогами и высокими частоколами, похожими на деревянные крепости, затерянные среди дремучих лесов и топких болот. В этих медвежьих углах князья и вотчинники копят силы, собирают богатство в подклетьях и калитах. Дворы на место прежних детских и отроков заполняются множеством вольных, полузависимых и невольных слуг, по месту службы именовавшихся «**дворянами**», а вся совокупность их — «**двором**»⁵⁰. Военное могущество владетелей начинает опираться на эти оседлые и отчасти укрепленные дворы.

Из среды таких более или менее подневольных людей берутся удельно-феодальные пристава — опора принудительной власти больших и мелких князей и вотчинных бояр того времени.

Что приставские обязанности исполняли в эту эпоху «**дворяне**» видно из поздних списков Русской Правды (Кар., ст. 135), из более древних княжеских договорных и жалованных грамот, из Новгородской Судной грамоты (ст. 41), Двинской рядной и Двинской Уставной (ст. 3, 5, 8, 9) грамот, Рижской грамоты (около 1300 г.) и других материалов⁵¹.

Дворяне-пристава состояли не только при великих и удельных князьях, но и при их судьях, наместниках и волостелях, и даже при пунах. Например, в жалованной грамоте удельного князя Ярославского Василия Давыдовича Спасскому монастырю (1345 г.) говорится: «А судьи мои вси, наместницы и тиуны, не шлют дворян своих по люди св. Спаса, но шлют ко игумену, а игумен шлет по них своих людей»⁵².

Однако не всегда пристава именовались по своему общественному положению «**дворянами**», а часто назывались по должности или по поручению **доводчиками**, **праветчиками** и **приставами**. С возвышением же дворянства, исполнение приставских обязанностей перемещается в иные слои населения. Князья и третчики, а чаще всего княжеские наместники и волостели⁵³ поручали с XIV века исполнение приставских обязанностей слугам из своего двора или большим холопам («людям»), назначая их на должности «**праветчиков**» и «**доводчиков**» с весьма широкой и властной компетенцией.

При князьях доводчики могли быть и свободными. Так, в договоре 1340 г. великого князя Семена Ивановича с братьями говорится о «**вольных слугах**», «кто в кормленьи бывал и в доводе» (С. Г. Гр. и Д. I, № 23).

Но доводчики, как и тиуны местных властей, большей частью, бывали несвободными⁵⁴ даже еще во времена Судебников: статья 26 царского Судебника тиунов и доводчиков причисляет к «**боярским людям добрым**». Впрочем, это правило не могло быть всегда совершенно абсолютным, ибо, по поздним спискам Русской Правды тиунство и ключничество вело к холопству только без ряда (Кар. 121), а по II-му Судебнику: «По тиунству без полные и без докладные не холоп, а по сельскому ключу без докладные не холоп» (ст. 76)⁵⁵. Значит, могли быть и доводчики свободные.

Основной обязанностью **доводчиков** первоначально было, видимо, собиране «**ДОВОДОВ**», то есть доказательств о совершении кем-либо преступлений, данных гражданского иска, а заодно и вызов или привод к суду преступников, тяжущихся и свидетелей⁵⁶. Основной обязанностью **праветчиков** было, вероятно «**править**» или исполнять постановления суда или предписания начальства по взысканию с должников суммы иска, податей, наказанию преступника и т. д.⁵⁷

Но, на самом деле, компетенция их была гораздо шире, как об этом можно заключать ретроспективно, по определениям немного более поздних уставных грамот наместничьего управления. Также несомненно, что между ведомством праветчиков и доводчиков в жизни существенной разницы не делалось, как об этом свидетельствуют многочисленные грамоты⁵⁸.

Таким образом, в разбираемом периоде доводчики и праветчики еще не были только приставами, но все же приставские функции входили как непременная часть в состав их компетенции.

О них в этой роли несколько раз упоминается в духовных, договорных и уставных грамотах князей⁵⁹; жалованных же грамот, говорящих о доводчиках и праветчиках в связи с их приставскими обязанностями, напечатано такое несметное количество, что одно перечисление их могло бы занять многие страницы⁶⁰. О доводчиках, посланных «приставством», часто говорят правые грамоты (напр., Ф.-Чех., I. № 45).

Очевидно, что присвоение доводчикам приставской компетенции было узаконено обычаем, договорами властителей, их частными указами и правительственной практикой.

Более подробное развитие постановления о них получают в следующем периоде.

Термин «**пристав**» с 1270 года все чаще начинает встречаться в грамотах договорных, духовных и жалованных, но он не обозначал еще всегда постоянной должности, а иногда лишь временное поручение, которое давалось «дворянам», праветчикам, доводчикам и иным лицам. Постепенно этот термин начинает все более (в особенности в центральном правлении) преобладать над остальными, становясь постоянным обозначением для лица, постоянно или временно исполняющего определенный круг действий.

В договорах князей с Вел. Новгородом отличаются княжеские приставы новгородские и приставы «с Низу»⁶¹.

В договорах князей между собою видны отличия приставов великокняжеских, удельно-княжеских, третчиковых и наместничих⁶².

В правых грамотах и судных делах встречаются пристава удельных князей и их судей⁶³.

В жалованных грамотах встречаются пристава; великокняжеские⁶⁴, удельно-княжеские⁶⁵, наместничьи⁶⁶, волостелины⁶⁷, тиунов⁶⁸.

Кроме того, из общего смысла бесчисленного множества жалованных грамот логически вытекает, что существовали частновладельческие пристава: если правительственным приставам было запрещено въезжать в частные вотчины, значит в них при вотчинном суде и управлении существовали свои вотчинные пристава⁶⁹.

Особого рода постановления о княжеских приставах, отражающие местные особенности, заключаются в Новгородской и Псковской Судных грамотах и некоторых других Северо-Западных памятниках. Здесь встречаются княжеские органы с теми же названиями, как и вечевые: подвойские и подвоские⁷⁰, позовники⁷¹, биричи⁷², подверники⁷³.

Наряду с ними существовали: дворяне из Городища⁷⁴, княжие люди⁷⁵, княжие пристава⁷⁶.

Совершенно особенная терминология также в Рязанских грамотах; видимо, пристава назывались там как-то иначе, чем в других областях. Однако ни одному из перечисляемых в более древних из них должностных лиц нельзя с уверенностью приписать свойства пристава. Только позднее они постепенно воспринимают термины остальной части Северной и Восточной Руси⁷⁷.

В грамотах иных удельных княжеств и немосковских великих княжеств по интересующему нас вопросу не было никаких существенных особенностей сравнительно с московскими. Те же названия и виды приставов. Может быть, стоит упомянуть лишь о том, что в Тверском княжестве дворяне исполняли приставские обязанности дольше, чем в иных. Единое обычное право и единообразное правотворчество господствовало уже тогда на большей части территории будущего Московского государства⁷⁸.

Поэтому переход к следующему периоду и дальнейшее развитие заключалось первоначально не в установлении новых видов и названий приставов, не в изменении их социального состава и т. д., а лишь в постепенном отмирании связи их с особными владельцами и в подчинении их власти единого Московского государя⁷⁹.

Изменения характера отношений приставов к кормленщикам и изменения по существу наступали медленнее и были гораздо сложнее, как это увидим дальше.

Глава III. Период сословной монархии (Самодержавно-вотчинный или самодержавно-феодальный) (XV—XVI в.)

§ 1. Наместничьи и волостелины праветчики и доводчики

С усилением власти московских государей начинается процесс освобождения и огосударствления приставов — их постепенно перестают назначать из холопского состояния и частных слуг кормленщиков. Но это освобождение и огосударствление происходит очень понемногу, так как московское правительство ничего не ломает резко, а очень медленно, хотя и неуклонно переделывает весь государственный строй соответственно своим видам.

При наместниках и волостелях пока продолжают оставаться их праветчики и доводчики из их холопов или зависимых домашних слуг, именуемых поэтому в Уставных грамотах иногда «наместничьими и волостелиными людьми»; кормленщики их приводят с собой при назначении на наместничество и «сводят» с собой, когда удаляются со своей должности.

Так из царской грамоты 1555 г. новгородским дьякам видно, что, когда боярин князь Дмитрий Феодорович Палетцкой, идучи на войну против Шведов, отказался от «государева жалованья», от наместничества над Великим Новгородом, то он и «людей своих свел», в том числе, как видно из смысла грамоты, своих доводчиков и иного рода приставов (Д. А. И. I, № 87, 1555 г.).

Но их же (наместников и волостелей) собственные холопы и домашние слуги, будучи назначенными на ответственные места праветчиков и доводчиков, перестают быть исключительно личными слугами своих господ, ибо государство накладывает свою контролирующую руку на официальную, административную и судебную деятельность всех наместничьих и волостелиных «людей». Уставные грамоты наместничьего управления и Судебники довольно подробно очерчивают законные рамки их компетенции и ответственности, вследствие чего их должность или их функции приобретают публичный, государственный характер; такие пристава уже не могут считаться чисто частными, а, скорее, частногосударственными холопами и слугами.

Некоторая доля самостоятельности доводчиков увеличивается еще и оттого, что они большей частью живут уже не во дворе наместника или волостеля, а отдельно — в главном поселении стана или раздела или погоста, которыми они заведывали. У доводчиков были даже свои собственные дворы; по 2-й Двинской Уставной грамоте сохранилось описание такого двора: в Холмогорах двиняне должны были «двор доводчиков поставить — избу трех сажень, а другую избу полутретьих сажень, да клеть двух сажень, да конюшню»; такие же дворы двиняне должны были поставить в Неноксе и в Уне⁸⁰. Сохранилось также описание доводчичьего стана или станowego двора в Утманове Устюжского

уезда. Здесь доводчик слободских крестьян и присельчан судил, «поля спущал» и управу чинил по мелким делам, а по более крупным водил их «во приставах» к своему начальству (А. И., I, № 299, 1546 г.).

Благодаря росту значения доводчиков, они иногда исполняли свои обязанности не одни, а совместно с помощниками, именованными **паробками**⁸¹, **детинами** и «людьми»⁸².

В таком же приблизительно положении, как наместничьи и волостелины праветчики и доводчики, находились также дворцовые доводчики и иные пристава местных дворцовых властей: ловчего, дворецкого, конюшего, посельских сел дворцовых, волостелей стольнича пути и бобровых деревень и др. Их деятельность также регламентируют уставные и жалованные грамоты, и они вообще подлежат той же приблизительно эволюции⁸³.

Наместничьи, волостелины и местные дворцовые доводчики очень часто именуется просто «приставами». Чем дальше движется время, тем все сильнее это второе название начинает преобладать над первым и вытеснять его. Терминологически название доводчик медленно, но верно вымирает. Сначала говорили, что доводчик посылается или ходит «приставством»⁸⁴, а потом стали прямо говорить: «пристав», и чем ближе ко второй половине XVI века, тем все чаще. Особенно это ясно по жалованным грамотам⁸⁵.

В правых грамотах и иных судебных делах о доводчиках говорится только до середины XVI в.⁸⁶ Также — о праведчиках⁸⁷. В Уставных грамотах наместничьего управления и в Судебниках о доводчиках и праветчиках говорится как о специальных должностях, общее же название для исполнительных агентов, употребляющееся в них, — пристав. В ранних Уставных грамотах, напр., Белозерской 1488 г. или Онежской 1536 г. (Яковлев, № 2 и 7) это менее заметно, но в более поздних, напр. Пермской 1553 г., выявляется уже очень явственно (Яковлев, № 12). В Судебниках это еще яснее, здесь о доводчиках говорится лишь изредка, когда нужно по существу дела, вообще же говорят о приставах. В Судебнике 1-м о доводчиках упоминают лишь две статьи (38 и 45), а о приставах — пять (32, 45, 53, 63, 67); во 2-м Судебнике о первых — пять статей (26, 48, 62, 69, 75), о вторых — десять (20, 23, 24, 30, 31, 50, 75, 84, 99, 100).

Власти доводчиков издавна ставились пределы жалованными несудимыми грамотами, запрещавшими им въезд в льготные владения.

К этому прибавляется новое ограничение созданием новой должности «данного пристава». Жалованные грамоты для некоторых служилых и церковных вотчин и общин власть подневольных доводчиков заменяют властью таких данных приставов, из свободного состояния — мелких подьячих, недельщиков, дворцовых певчих и др.⁸⁸ Они фактически находятся на службе у льготников: ходят на суде «от них и по ним» или защищают их владения от порубки, потрав и т. д. Кроме того, данным приставом назначается такой человек, который льготнику «люб». Но официально они являются не частными слугами, а агентами

центральной государственной власти. Это внедрение внутрь иммунизированной вотчины органа центральной государственной власти, ограничивающего одновременно и компетенцию органов местной государственной власти (доводчиков и др.) и компетенцию органов тарханного вотчинника⁸⁹.

Не довольствуясь огосударствлением и ограничением праветчиков и доводчиков, правительство начинает их совершенно **отменять**. Частичная отмена их совершена в некоторых местностях **губными грамотами**, когда часть их ведомства отошла к губным органам (на Белозере и в Каргополе с 1539 г., в Соли-Галицкой с 1540 г. и т. д.). Затем более радикальная их отмена начата с 1551 года **земскими уставными грамотами**: «И язъ Царь и В. Князь... Важскому наместнику... и... тиуну и **его пошлинным людям**... впредь быти не велел» (Важск. уст. гр. 1552 г.); и завершена известным указом об отмене кормлений: «И мы... наместников и волостелей и праветчиков от городов и от волостей отставили» (Уст. гр. Соли Переяславские 1555 г.)⁹⁰. На место их учреждены были земские пристава.

Там, где не было учреждено земского самоуправления, праветчики и доводчики заменялись свободными **надельщиками** и другими приказными людьми.

Когда кн. Д. Ф. Палетцкой «людей своих пошлинных свел» из Великого Новгорода, отказавшись от наместничества, правительство воспользовалось этим, чтобы вовсе **отменить праветчиков** и доводчиков. Новгородским дьякам предписано было «**недельщиков** бы есте на ту половину (В. Н-да, которую покинул кн. Палетцкой) выбрали, сколько пригоже, **из детей боярских или из земцов**, которые наши (то есть царские) службы еще не служат» (Д. А. И., 1, № 85, 1555 г.). Имеются данные, что учреждены были недельщики и в некоторых других городах; в 1551 г. царь велел дать Плесской волости «пристава **из площадных недельщиков не их города**» (Яковлев, Зем. Уст. Гр., № 1)⁹¹.

§ 2. Недельщики дворцовые и площадные

В столице, царствующем граде Москве, близ златокупольных соборов и «небережного златоверхнего терема» великокняжеского перемены происходят быстрее.

Военное могущество Московских Государей начинает опираться на свободных слуг: средней руки **поместных дворян и детей боярских**. Из них набираются рати, победившие татар на Угре, присоединившие Новгород и Псков и многие великие и удельные княжества, покорившие Казань и Астрахань... Например, в 1470 г. послал великий князь рать свою судовую на Казанские места: «Воевода К. А. Беззубцев, а с ним многие **дети боярские, двор свой**, также и от вся земли своя **дети боярские, изо всех городов** своих к изо всех вотчин своих потомуже». (П. С. Р. Л. VI, 188). Из младших представителей этого же слоя начинает вербовать Московское правительство и агентов приставской

власти, начавших именоваться чаще всего «недельщиками» в центральных учреждениях, а потом и в крупных городах. Более же мелких приставов берут из еще низших слоев служилых людей, земцов и посадского населения.

Доказательства принадлежности многих недельщиков к детям боярским в источниках 1/2 XV—XVI веков разнообразны⁹².

Косвенные заключения можно вывести из Судебников, свидетельствующих, что у недельщиков были «люди», то есть холопы⁹³. Более прямые сведения дают некоторые жалованные грамоты⁹⁴, Новгородские летописи⁹⁵ и приложенная к ним Повесть о приходе царя Иоанна IV в Великий Новгород для вывода измены.

Лучшие и подробные данные мы имеем, к сожалению, не о великокняжеских и вообще московских столичных недельщиках, а только новгородских, установленных позднее по образцу первых. В обобщающей форме об этом говорится в вышеприведенной царской грамоте новгородским дьякам, предписавшей выбрать их «из детей боярских или из земцов» (Д. А. И., I, № 85, 1555 г.). Одна поручная запись определенно удостоверяет, что в Новгородской «большой дьячей избе» приставские обязанности исполняли «розсылочные дети боярские» (А. Э., I, № 274, 1567 г.).

В должности новгородского недельщика бывали представители **известных родов**, как-то Аничковы, Свербеевы и др.⁹⁶ В числе «рассылочных детей боярских» именуется Бирилевы, Обольяниновы, Карцевы и др. Встречаются сведения, что некоторые из детей боярских, служивших недельщиками в Великом Новгороде, состояли даже в родстве с видными сановниками; например, в 1587 г. новгородским недельщиком был Богдан Иванович Лихачев, а его родной брат Иван Нехороший Лихачев в 1626 г. был воеводой; другие его родственники бывали также воеводами (в 1576—1579 г.), а равным образом в стряпчих, стольниках, дворянах московских и даже окольных (1683—1686 гг.)⁹⁷.

Из хороших фамилий брались приставы, исполнявшие какие-либо функции при знатном человеке, например, сопровождавшие его в политическую ссылку. Так, князя Михаила Ивановича Воротынского и его семью на Белоозере берегли Илья Плещеев и Иван Голохвастов (А. И., I, № 174, 1564—1566 г.). У сосланного при Годуновых Александра Никитича Романова был приставом Леонтий Лодыженский, бывавший пред тем стрелецким головою и гонцом в Крым; его родственник стал московским дворянином и, наконец, воеводой в Серпухове и Черни (Лихачев, стр. 522, прим. 2).

Очень часто говорят источники об исполнении детьми боярскими обязанностей посольских приставов. Об этом у нас говорится особо.

Относительная высота положения недельщиков и приставов определялась соответственно относительной высоте положения того, к кому «приставляли». Пристав давался на ответчика или обвиняемого, «**смотря по человеку**». Таково было общее правило во всех делах в это иерархическое, лестничное и местническое время.

Какова среда (очень скромная), в которой вращались недельщики, можно судить по поручным грамотам, на основании того, кто за них ручался.

За недельщика Василия Алексеева сына Свербеева ручались: с одной стороны, «розсылочные дети боярские» (5 человек) и площадной подъячий, с другой — несколько торговцев-ремесленников, владевших собственными дворами: колачник, скотник, хлебник. Поручители по Скурате Иванове сыне Оничкове еще скромнее; это, во-первых, такие же промышленные и торговые люди-дворовладельцы: скотник, шелковник, свечник, и даже извозчик и мелкие «купчины», жившие по чужим дворам «в суседех»; во-вторых, какие-то жители погостов, видимо, захудалые дети боярские или «земцы»⁹⁸.

Забегая несколько вперед, необходимо сказать, что и в XVII веке, особенно в первой его половине часть недельщиков и приставов продолжала пополняться из детей боярских. Об этом в источниках имеются многочисленные свидетельства.

О «детях боярских, которые ходят в приставах», говорит Соборное Уложение 1649 г. (ст. 264) и некоторые новоуказанные статьи⁹⁹ и указы воеводам¹⁰⁰. О приставах из детей боярских, детей боярских добрых, детей боярских отставных упоминают царские грамоты воеводам и отписки воевод и других лиц¹⁰¹, а также судебные дела и приставные памяти¹⁰². Согласно росписям, «дети боярские, которые ходят в неделях», бывали не только в Москве, но и в городах; в одном городе (например, Костроме) иногда их бывало до 10¹⁰³. Случались они и у губных¹⁰⁴.

Ради выгоды некоторые **дети боярские стремились в недельщики**, подавая о поступлении «в недели» подписные челобитные; как много их предпочитало вместо получения жалованья промышленять в недельщиках, видно из **Записной книги Московского стола**. В 1636 г. из Разряда посланы были памяти в приказы с повелением выписать кто по имени и которых городов дети боярские «в неделях», и с которого году кто за государево денежное жалованье (то есть вместо жалованья) и на сколько лет пущен (в недели), по памятям ли из Розряда или по подписным челобитным. Такие памяти посланы в Московский и Владимирский судные приказы, Казанский дворец, Челобитенный, Поместный и Разбойный приказы, Новую Четверть, Ямской и Холопий приказы, Земский двор, Б. Приход, в Новгородскую, Владимирскую, Галицкую, Костромскую и Устюжскую чети (Р. И. Б., т. X, 1636—1663 г.), всюду искали детей боярских, ходящих в неделях и имена тем недельщикам велено было послать в Разряд.

Тем не менее, служба эта не считалась почетной в местническом отношении, ею даже укоряли своего противника. **В местническом споре** 1624 г. Якова Афанасьевича Демьянова с Иваном Прохоровичем Писемским, первый писал о втором: «братья его Ивановы и дядья в Казани служат в мелких детях боярских и **ходили в недельщиках**», а Писемский обличал своего сутяжника тем, что «иные Демьяновы

были на Москве в судных приказах в неделях» (Лихачев, Разрядные дьяки, стр. 156—158). Другой подобный местнический спор случился в 1649 г.: «Князь Данило Мышецкой бил челом Государю в отечестве на Михаила Львова сына Плещеева тем., меньше де мне его быть не можно, родители де наши служили по В. Новгороду **во дворянах**, а дед де Михайлов Афанасий Никитин сын Плещеев **служил у архиепископа.**; да Илья де Плещеев был в Порхове **в губных старостах**, а иные де их родители были в **деньщиках** у воевод и в **недельщиках**, и мне де для того меньше его быть не можно». Местничество Михаила Плещеева с князем Васильем Хилковым найдено было настолько неуместным, что Государь указал Плещеева за Хилковых бесчестье бить батогами, вместо кнутья, в подклете в Розряде. (П. С. З., I, № 3, 1649 г.).

Чаще всего пристава в эту эпоху, как было сказано выше, именуется **«недельщиками»**.

Собственно, слово «недельник» в смысле пристава встречается в русской письменности издавна, чуть ли не с начала у нас грамоты, и соответствовало по переводам византийскому «гебдомадарий» (hebdomadarios). Так, в хронике Георгия Амартола говорится, что пресвитер Иоанн, бывший ректором, «створи **саном неделника**» (hebdomadarion) у царя Леонта слугу Арсениева, который был «саном маглавит» (Истрин, I, 553, 17). Пандекты Никона Черногорца сообщают, что «Иван посла абе с дванадесять **недельник** на възысканье злообразного клирика» (сл. 56), то есть для выполнения чисто приставских обязанностей.

Поэтому не исключена возможность, что кое-где иногда на Руси и в домонгольскую пору приставов именовали недельниками. Но это очень гадательно, ибо, во-первых, самое слово попадает в источниках чрезвычайно редко; во-вторых, только в переводных памятниках, принадлежность коих русскому переводчику очень спорна.

Но, как определенное учреждение, недельщики появляются у нас лишь со второй половины XV столетия. Древнейшее о них упоминание встречается в жалованных и правых грамотах удельных Белозерских князей 1467 и 1481 гг.¹⁰⁵ Вскоре мы видим их и в великокняжеских правых грамотах¹⁰⁶. В Судебнике 1497 года недельщики считаются уже постоянным общеизвестным установлением и упоминаются во множестве статей (4—7, 26, 28, 29, 31, 33—37). Затем о них продолжают говорить многие жалованные¹⁰⁷ и правые¹⁰⁸ грамоты, некоторые уставные грамоты наместничьего управления¹⁰⁹, губные грамоты¹¹⁰, акты специально о приставах¹¹¹, Судебник Царский¹¹² и др.

Наряду с другими видами приставов **недельщики** продолжают существовать и в XVII столетии. В Уложении они упоминаются в десяти статьях¹¹³; неоднократно также в Указных книгах Приказов¹¹⁴, в жалованных грамотах¹¹⁵, правых грамотах¹¹⁶ правящих¹¹⁷, поручных¹¹⁸, выборах приставов¹¹⁹, наказных памятах им¹²⁰, обысках¹²¹, записной книге Московского стола в Разряде¹²², росписях¹²³ и других источниках.